

МИР ЯРКИЙ, ГАРМОНИЧНЫЙ

На протяжении веков в искусстве не было разделных понятий — живописец, график, скульптор, декоратор. Профессия определялась одним словом — «художник». Потом постепенно пути отдельных жанров как бы разошлись на время достаточно долгое, будто с тем, чтобы вновь явственнее ощутилась их неразрывная связь. Мало-помалу она восстанавливается — уже на новом этапе, в ином качестве. И сегодня это становится, пожалуй, распространенным явлением нашего изобразительного искусства: все больше мастеров работают в самых разнообразных «техниках», сочетают в своей практике увлеченность еще недавно казавшимися столь далекими друг от друга областями художественного творчества. Чем же характеризуется ныне подобное воссоединение?

Ответить на этот вопрос в какой-то степени помогает выставка произведений москвички Тамары Гусевой, развернутая в зале столичной организации Союза художников на улице Вавилова. Автор по образованию театральный художник. Русская и зарубежная классика, советские пьесы широкого гражданского звуча-

ния — таков круг драматургических привязанностей. И, словно подтверждение профессиональной ориентации, на выставке много эскизов декораций, работы, воплощенные на сценических площадках разных городов страны, и разработки пока не осуществленных проектов оформления спектаклей. Мало этого, театральность мышления, склонность к ясному, продуманному расположению предметов чувствуется и в живописи, и в графике, и в керамике художницы, которые также составляют экспозицию. Однако господствует в ней все-таки не театр.

Театральное пространство, особенный, условный мир сцены Гусева формирует почти исключительно цветовыми аккордами, цвет в ее эскизах, тонко и тщательно моделированный в своих нюансах и взаимопроникновениях, подчас становится бесспорно определяющим средством выражения. И сами эскизы воспринимаются на выставке скорее как развитие в иных формах размещенных рядом натюрмортов и пейзажей — даже собственно театральные вещи смотрятся в контексте экспозиции самостоятельными про-

изведениями. Неожиданно живописной оказывается на выставке и керамика, и графика. Все эти работы, как и театральные эскизы, выполнены с полным знанием дела, с соблюдением всех специфических требований жанра. И, конечно, изысканные, большей частью просветленные, гармонически цельные произведения станковой живописи убеждают, что Тамара Гусева в первую очередь — живописец. Разносторонность ее творчества словно бы вызвана стремлением охватить все возможные проявления стихии цвета, колорита, пластики красок.

Что это? Дарование, которое настолько активно, что прорывается сквозь толщу несозвучных ему доктрин и правил «жанровой дисциплины»? Может быть, и так, но видится на выставке и другое — вполне осознанное подчинение творчества определенным эстетическим позициям. Эти позиции основаны на убеждении, что художник только тогда может что-то сказать людям, когда он остается в творчестве самим собой. В искусстве Тамары Гусевой нет самоцельного любования живописной «кухней» — есть попытка утверждения ценности человеческой индивидуальности, способной видеть яркий, красочный, гармоничный мир не только там, где красочность и гармония лежат на поверхности.

Т. МЕДВЕДЕВА.

5 ЯНВ 1982

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Т. МЕДВЕДЕВА